

Повесть времен культа личности

История Серафимы Маргеловой-Гомоновой, пережившей ужасы АЛЖИРа

Мы продолжаем разговор об эпохе массовых политических репрессий 1930 — 1940-х годов. Акмолинский лагерь жен изменников Родины, или АЛЖИР, стал свидетелем страшных нравов той эпохи. Одним из символов бесчеловечной сущности тоталитаризма и его порождения — ГУЛАГа. Сюда ссылали невинных и слабых: жен

«изменников Родины», часто с маленькими детьми. Многие из них не доживали до трех лет, погибая от сурового климата казахской степи и недоедания. Тем, кому посчастливилось выжить и попасть в спецдетдома, на долгие годы были разлучены со своими матерями. Все это мы с вами видели, вчитываясь в дела Нины Вечер-Головач, жены расстрелянного писателя—«молодняковца» Платона Головача, и Марии Дьяковой, жены наркома просвещения БССР. Сегодня — третья история: Серафимы Георгиевны Маргеловой-Гомоновой, жены Степана Маргелова, видного ученого Академии наук БССР.

Для молодого ученого Степана Маргелова 1930-е стали временем настоящего расцвета и карьерного роста. Мог ли он, простой деревенский парень из Костюковичского района, мечтать о работе в Академии наук БССР? Едва ли. Советская власть ему такую возможность дала. В 1927-м он оканчивает Горецкую сельхозакадемию, в 1930-м — аспирантуру БелНИИ сельского и лесного хозяйства. С 1931 года принят в штат Института экономики белорусской Академии наук. Сначала — ученым секретарем, затем — заведующим секцией экономической географии. Параллельно в качестве профессора он преподает в Белорусском государственном институте народного хозяйства. В 1934-м защищает степень кандидата экономических наук. Если при этом учесть, что Маргелову шел только 32-й год, становится понятно: талантливый ученый, человек из народной гущи, которому революция открыла все пути-дороги, расправил крылья и быстро набирал высоту...

В 1936-м он в числе разработчиков Большого атласа БССР и автор первого в стране учебника по экономической географии. Именно Маргелов адаптировал положения теории о размещении промышленности Альфреда Вебера для пивоварения и мясоперерабатывающей промышленности Белоруссии.

Дальнейшим планам молодого ученого, к сожалению, не суждено было сбыться. Степана Маргелова арестовали в январе 1937 года и обвинили в сотрудничестве с «антисоветской террористической шпионской и вредительской организацией». В обзорных справках НКВД «враг народа» изобличался в стремлении «насильственного отторжения Советской Белоруссии от Советского государства и создании буржуазно-фашистского государства». Маргелова обвиняли в том, что он завербован польской разведкой и под ее руководством проводил активную вредительскую работу. Узника минской тюрьмы НКВД расстреляют 29 октября 1937

года по приговору выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР. Полностью реабилитируют лишь через 20 лет — 19 июля 1957-го.

Но Сталину и его клике было недостаточно расстрелов таких людей, как Маргелов, было решено стереть в лагерную пыль и их жен, уничтожить семьи... Оперативный приказ наркома Ежова № 00486 от 15 августа 1937 года не оставлял никаких шансов его супруге и двум дочерям. Она подлежала аресту как член семьи расстрелянного «правотроцкистского шпиона» и высылке в исправительно-трудовой лагерь на 8 лет. Но пока здесь, в доме сотрудников Академии наук по Борисовскому тракту, 54а, царила тягучая, вязкая тишина и ожидание неизвестности.

Поздно вечером 5 ноября 1937 года в квартиру № 11 постучали. У людей в штатском при себе — ордер на арест и обыск. Понятые, вывернутые шкафы с одеждой и выдвинутые из рабочего стола мужа ящики. У жены «врага народа» Серафимы Георгиевны Маргеловой-Гомоновой по описи изъяты паспорт, 221 рубль наличными, облигации на сумму 2.580 рублей и неисправные карманные часы. Вот и все богатства жены «врага соввласти».

Из анкеты арестованной узнаем: Серафиме 33 года. Она работает лаборанткой на дрожжевом заводе «Красная заря» и является аспиранткой Института экономики Академии наук БССР. Образование высшее, окончила Горецкий зоотехнический институт. Мать двух дочерей: Янине 6 лет, Ноне — 8. Все остальное в этом пожелтевшем от времени деле № 28894, которое лежит передо мной на столе, мало чем отличается от историй Марии Дьяковой и Нины Вечер-Головач и еще десятков жен расстрелянных мужей... Здесь все типовое, здесь все по инструкции. Опять нахожу в стопке документов знакомую сухую казенную формулировку следователя: «достаточно изобличена в том, что, являясь женой разоблаченного врага народа, знала о его контрреволюционной деятельности, содействовала ему в проведении КР работы». Статьи Уголовного кодекса БССР, по которым обвиняют Маргелову, это не статьи — это муляж, это для формы. Муж уже расстрелян, жена должна «ответить» за него... Статьи те же, что и у всех остальных жен: 24–68, 24–70, 76. Такой своеобразный код, которым органы метили «жен изменников Родины».

Двадцать минут на сборы самых необходимых вещей — и жильцы квартиры № 11 в последний раз спустятся по лестнице к выходу. В этих уютных комнатах они не окажутся уже больше никогда. От дома их увезут разные машины: маму — в тюрьму НКВД, дочерей — в спецприемник для детей «врагов народа». Через двадцать с лишним дней Серафима Маргелова будет осуждена Особым совещанием НКВД СССР на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Первым же этапом ее через пересылку Орши направят в Казахстан, в Акмолинское отделение Карагандинского лагеря в зону «жен изменников Родины». Дочери до войны будут находиться в Украине, в спецлагере для детей «врагов народа».

Серафиме Маргеловой «повезло». Через год после того, как их привезли в голую степь под Акмолинском (ныне — Астана) и поселили в бараках, лагерь начал развивать собственное производство. Появились полеводческая бригада, швейный цех, ферма по разведению крупного рогатого скота... Это значило только одно: ей больше не придется, как тысячам товарок по несчастью, срывать в кровь руки, собирая сухой камыш для растопки печек-теплушек. Или месить глину на кирпич. Зоотехник с высшим образованием, она могла наконец избежать губительных «общих работ». Дипломированных специалистов лагерная администрация ценила, они были на положении полезной скотины.

Она работала на совесть, не жалея сил, веря в то, что все происходящее — какое-то страшное недоразумение. Чья-то случайная ошибка, которую можно исправить прилежанием и нечеловеческим усердием. Ее письмо 1939 года в

Президиум Верховного Совета СССР Калинин еще дышит надеждой и верой в справедливость: «5 ноября 1937 года я была арестована за мужа... и осуждена на 8 лет исправтрудлагерей. Я выброшена из рядов честных тружеников, оторвана от своих дорогих детей. Обращаюсь к Вам и прошу Вашей помощи. Снимите с меня суровый приговор, восстановите меня в ряды трудящихся. Верните меня к моим детям. Возвратившись в семью трудящихся, я так же, как и прежде, отдам все свои силы нашей Великой Родине». Позже Серафима Маргелова и сотни таких же, как она, жен «врагов народа» поймут: они оказались здесь не по воле случая, а по прямому указанию тех, кто царил в Кремле, кто отдавал приказ НКВД стереть их в пыль. Ни оставить камня на камне от семей вымышленных «изменников Родины». Уничтожить само воспоминание о них и их прошлой жизни.

Переписка с близкими узникам АЛЖИРа была запрещена: строгий режим! В архивном деле нахожу несколько писем, которые старшая дочь Нона пишет матери в зону. Увы, зачастую безответно. Отчетливо виден неуклюжий детский почерк. Спокойно читать, как мучается ребенок, разлученный с родителями, не сможет человек даже с напрочь очерстевшим сердцем. В этих письмах — вся боль и вся правда тех страшных лет: дети с отчаянием ищут родителей, матери сходят с ума за колючей проволокой от разлуки. Семьи превращаются в разрушенные гнезда. Наполняются холодом отчуждения любящие сердца. Вчитайтесь в эти налитые слезами строки...

«Здравствуй, моя дорогая мамочка! Целую тебя крепко 9.000 раз. В первых строчках своего письма я тебе пишу, что я жива и здорова, а тебе еще лучшего желаю. Мамочка, может, ты знаешь что-нибудь про Яниночку, — спрашивает о судьбе младшей сестры Нона (сама она, судя по всему, находится в Украине, в детдоме для детей из семей «изменников Родины»). — Если знаешь — напиши мне. Мамочка, у меня есть две подруги — Калич Люда и Ремез Фрося. Мамочка, если у тебя есть твоя фотокарточка, пришли мне. Мамуська, я записалась в октябрюта, нам дали звездочки. Мамочка, я тебе пишу уже четвертое письмо, а ты мне не отвечаешь». В конце — две стихотворные строфы, из которых видно, как сильно 10-летняя Нона скучает по матери: «Эх ты, птичка да канарейка, научи меня летать. И недалеко, да недалеко — чтоб только мамочку увидеть». И еще: «Далеко от Шпаянского края шлю, мамуська, тебе я привет. Как живешь ты, моя дорогая, напиши мне скорее ответ. Твоя дочка Нона».

От следующего письма в архивной папке осталась только вторая страница, но и по ней можно понять: Нона уже освоилась в детдоме и разыскала сестру: «...Янина со мной, она во втором детдоме». Дальше она сообщает распорядок дня этого детского спецучреждения: «Встаю я в 8 часов утра. Умываюсь, чищу зубки. Потом — сигнал на завтрак. После завтрака идем в школу, после двух уроков — снова завтрак. В 12 часов у нас кончаются уроки, потом у нас читка газет, загадки, читаем сказки. Обед. После обеда катаемся на санках. Идем выполнять домашнее задание, потом идем в клуб гулять. Ужин и спать. У нас красивая природа, сейчас снежок идет, ветер веет. У нас один двухэтажный дом, изолятор, клуб, в выходные дни приезжает новое кино. Пока до свидания. Целую 100.000 раз миленькую мамусю. Твоя дочка Ноночка».

Очередной «треугольник» в Казахстан в АЛЖИР от старшей дочери датирован апрелем 1943 года. В адресе отправителя бросаются в глаза произошедшие перемены: девушка переехала в Саратовскую область, в город Вольск. Она работает на цемзаводе «Большевик», у нее даже есть своя отдельная койка в общежитии. Вот что она пишет матери: «Живу хорошо. Здорова. Мамочка, я твое письмо получила, за которое тебя очень благодарю. Мамочка, погода у нас сейчас хорошая, можно ходить без пальто. Сегодня мы не работаем, а готовимся ко дню 1-го Мая. К 1 Мая нам дадут обмундирование. Мамочка, питание у меня хорошее... В одежде я пока не нуждаюсь, но с обувью трудно. К октябрю мне выдали ботинки, но они уже рвутся, и мне не в чем

будет ходить на работу. Пока до свидания. Целую тебя крепко много–много раз. Нона. Поздравляю с днем 1–го Мая!»

Самodelьная открытка к Новому году — это последнее, что мы находим в переписке матери и старшей дочери. Она наполнена горечью разлуки, отчаянием, осознанием произошедшей в их жизни трагедии: «Родная, любимая мамочка! Крепко–крепко тебя целую много–много раз и поздравляю тебя с Новым годом, с новым счастьем... Мамочка, почему ты мне ничего не пишешь о своей жизни? Напиши, сколько тебе лет. Мамочка, напиши, сколько лет сейчас папочке и надеешься ли ты его увидеть. Наверное, никогда не увидим его. Как хочется быть вместе, как раньше, хоть плохо, но вместе. Я считаю каждый день, каждый час до твоего освобождения. Если б была возможность приехать к тебе, я бы не терпела и приехала. Нас перед войной хотела тетя Маня взять к себе, собралась ехать, но началась война, и мы эвакуировались. И теперь все растерялись. А дедушка перед войной получил грамоту и медаль за хорошую работу. Мамочка, скорей пиши ответ. Крепко целую, твоя Нона».

В 1945 году истек срок восьмилетнего заключения Серафимы Гомоновой в АЛЖИРе. В деле находим ее письмо в Минск, в Министерство внутренних дел, из которого узнаем: Серафиму Георгиевну освободили из Акмолинского лагеря 5 ноября 1945 года. И, судя по обратному адресу, в отличие от многих других бывших заключенных (которые от безысходности устраивались в Карлаг вольнонаемными), там она не осталась: «После освобождения я работаю по своей специальности зоотехником, но диплома на руках не имею. В настоящее время мне диплом необходим, так как, не имея диплома на руках, я не получаю полностью положенной мне по закону зарплаты специалиста сельского хозяйства, имеющего высшее образование. Поэтому убедительно прошу Вашего распоряжения о высылке мне диплома, оставшегося с моими документами в Минске. Прошу ответить по адресу: Туркменская СССР, Ташкентская область, станция Вревская, племсовхоз № 3». Диплом, к слову, не вернули, не нашли...

Документы о реабилитации, которые позже отправят по этому адресу, вернутся без ответа. К тому моменту Серафима вместе с разыскавшими ее дочерьми переедет в Зааминский район Самаркандской области. Здесь она работала главным зоотехником в совхозе «Ударник», Нона и Янина окончили школу ветеринарных фельдшеров. Казалось, жизнь после стольких лет разлуки и мучений налаживается... Беда пришла оттуда, откуда никто не ждал: старшая дочь Нона, не выдержав постоянных унижений и гнета висевшей над семьей статьи «враг народа», сложила руки, покончила жизнь самоубийством.

В архивах нам удалось разыскать скудные данные о дальнейшей судьбе Серафимы Георгиевны и младшей дочери Янины. Мать вернулась с дочерью в Белоруссию только в 1958–м, через два года после реабилитации. Известно, что до 1986 года Янина Маргелова работала в одной из больниц Минска. В декабре 1993 года по постановлению Верховного Совета Беларуси ее признали потерпевшей от политических репрессий, поскольку она осталась полной сиротой.

На тот момент дочери расстрелянного «врага народа» было 62 года.

...Да, кстати, в 1930 — 1940–е годы у Сталина среди прочих титулов был и такой: «Лучший друг детей». Несчастливая белоруска Нона Маргелова в это число не вошла...